

# МИР ВОКРУГ НАС

Словацкий писатель **Ладислав МНЯЧКО** впервые пришел к нашим читателям с романом «Смерть зовется Энгельхен» добрых тридцать лет назад. Другие его работы у нас известны меньше, хотя переводились на многие языки. Судьба Мнячко складывалась драматически. Бунтарь и «еретик», он ни на минуту не принял ввод в Чехословакию войск Варшавского договора, не пошел на компромисс, не кривил душой, предпочтя долгие годы эмиграции. Там родились его новые романы, книги репортажей и повестей, сатирические произведения — вещи, которые у нас не издавались, а частью еще не выходили нигде.

Теперь писатель возвращается на родину, в Словакию. С ним беседовал наш собственный корреспондент **Виталий МОЕВ**.

— В романе «Внус власти» Ладислав Мнячко 60-х годов по косточкам разбирал психиатрию и технологию тоталитарной власти. А сегодня? Что скажете о нынешней демократической?

— Ту книгу, между прочим, да и «Смерть зовется Энгельхен», я бы отнес по жанру скорее к политическим памфлетам. Из материалов просилась, что называется, литература факта, но она рисковала остаться в ящике письменного стола. Приходилось облекать ее в беллетристические одежки...

— Что-то похожее мне говорил некогда в Москве Александр Бек о своем романе «Новое назначение». И все-таки: какова по вкусу, на ваш взгляд, власть демократическая?

— Сказал бы, довольно кислая. То, что я вижу вокруг, я называю квасом; ничего еще не перебродило, все пузырится и булькает. Не устоялись новые структуры, институты, не хватает многих демократических законов, а там, где они есть, не хватает законопослушания, демократии. Видите ли... я глубоко убежден, демократия — не только предмет общественного устройства. Для нее должно найтись место в человеке, внутри нас — тогда она приживается и в обществе. А в человеческой душе сегодня тоже квас, бурлят страсти, одержимость и рядом — дикарская вера в политические ярлыки и побрякушки. Один машет рукой на политику, дескать, подальше от болтовни, другой готов слушать и бежать чуть ли не за каждым краснобаем. Все растеряны, мечутся, разве это похоже на демократический строй? На Западе — за двадцать с лишним лет эмиграции я насмотрелся — там тоже не все образцовые граждане, политические зазывалы разливаются и там, кого-то охмуряют, в парламент можно проникнуться нагим женским телом. Но основы устойчивые. Демократическая система — это все же лучшее из всего, что люди перепробовали и к чему пришли.

Главное, я считаю, отличие демократии от тоталитаризма — не в том, что появляются политики один к одному, без страха и упрека, они разные, а в пору таких пертурбаций, как у вас или у нас, очень даже бойко вылезают и подлипали, и демагоги. Главное — подконтрольность этой власти. Собственно, контроль над ней — это и есть демократия. Проделки не могут проходить для властей безнаказанно. В Австрии на моих глазах был случай, когда премьеру пришлось подать в отставку. Сболтнули лишнее. И не такую уж обронил близантинскую фразу, но стал отираться, лгать. И — конец. А вспомните Никсона, «Утергейт». Слово у политика оце-

Чехо-Словакии — вы же знаете — после парламентских выборов сошла со сцены вся ведущая гарнитура, несмотря на то, что одержала победу в революции и два года держала власть.

— Да, отошли громкие имена, включая президента Вацлава Гавела. У нас еще раньше сменилась команда Горбачева, в Польше конфликтует с властями славная «Солидарность», Танака массовая «смена нараула» тоже, наверное, особенно нынешней демократии? Революции покидают своих детей?

— Мне видится целый клубок причин. Во-первых, та, что импульсом нынешних революционных переворотов служило чистое отрицание. Людей просто объединяло чувство, что дальше так жить нельзя. А как дальше — об этом все размышления оставались, по существу, впереди. Теперь и наступило их время. Героям отрицания не повезло ни в том, чтобы сложить ясную программу, ни в том, чтобы осознать, какая тяжкая предстоит работа, убедить общество не поддаваться новым иллюзиям насчет быстрого и легкого успеха. Слушая их, люди и сами легко готовы были обмануться, но такой самообман редко прощают.

Во-вторых, коммунистическую систему снесли люди, которые десятилетиями в ней жили, в кровь обдирали и тело, и душу. Я вырос в словацком Мартине, в рабочей среде, в годы первой республики. Расползся кризис, безработица. Коммунистические настроения поднимались, как на дрожжах, меня идея социальной справедливости захватила целиком. Вступил в партию, задним числом сказать — зря, потому что искал на все свой взгляд, а требовалось подчиняться партийным. Спрашивал себя: что же происходит, куда идем? В 50-х годах наступил террор, хватали, сажали и казнили людей без вины. Было страшно, все тогда чувствовали страх, и президент, и партии, и еретики, и инквизиторы. И как-то в 53-м году я себе сказал: «От этого страха ты сдохнешь, попробуй другое — нагоняй страх на тех, кто нагоняет страх». И ведь немало нам удавалось, к 67-му году могли писать практически свободно, критиковали все. А после шестидесятной войны на Ближнем Востоке, с новой отвратительной волной организованного антисемитизма, я уже не мог выдержать. Опубликовал во «Франкфуртер альгемайн» свой протест и демонстративно уехал в Израиль. Конечно, сразу исключили из партии, лишили гражданства. Через год, правда, спохватились, я вернулся, но следом в Братиславу хлынули танки.

— Для меня несомненно, что каждый человек с рождения должен получать равный шанс. Как удастся им распорядиться — другой вопрос. Социальная защита, опека над идеей справедливости, я уверен, всегда были и будут назначением левых партий...

Признаться, я не большой охотник до

## Ладислав МНЯЧКО: «То, что вижу вокруг, я называю квасом»

Ладислав МНЯЧКО:

«То, что вижу вокруг,  
 я называю квасом»

Думаю, для писателя в этом нет ничего неестественного. Литература всегда несла социальный заряд и потому критически смотрела на устройство мира. В чем деспотический социализм, к сожалению, преуспел, так это в растягивании интеллигентов. Развращались и писатели — высокими гонорарами, подачками, привилегиями. Авторитет звания литератора упал глубоко вниз, о каких отчаянных усилиях и прошлых заслугах теперь бы ни говорилось.

Как наши лучшие годы мне вспоминаются шестидесятые в Братиславе. Круг единомышленников, тогдашняя деятельность Союза писателей, который играл очень видную оппозиционную и мятежную роль. Мы добивались настоящей свободы слова, выходил боевой еженедельник союза. Реформаторское движение в Словакии началось даже раньше, чем среди чешской интеллигенции. Я как-то говорил и повторю: когда наступила «пражская весна», в Братиславе уже было «словацкое лето». Оно, однако, сменилось самыми свирепыми холодами, еретикама затыкали рот, а тех, кто соглашался писать «как надо», разворачивали еще больше. Те, кто дискредитировал себя конформизмом, не находят отваги и сил, чтобы вернуться к первому. А после революции произошло новое несчастье — нередкое, впрочем, при революциях — честные интеллигенты, писатели пошли на государственную политическую службу.

— Почему же несчастье?

— Я называю это несчастьем. Потому, что для природного отбора в наше ремесло существует одна обязательная генетическая особинка: способность или, если угодно, дар видеть вещи со всех мыслимых углов зрения, подвергать сомнению, анализу все и вся в обществе. Без этого нет писателя. И если есть такая особинка — человек для политики не годится. Политика и мораль — очень разные вещи и соединяются редко. Никогда не забуду, как у нас в союзе кипели бешеные споры, иной раз заседали дниами подряд, казалось, почти приходили к согласию, как вдруг чья-нибудь реплика снова обращала все в хаос. Я тогда сказал: «Господи боже, не допусти, чтобы эти люди делали политику».

— А драматург и президент Вацлав Гавел? Возьмите его стремление к «неполитической политике»...

— Гавел — уникальная фигура. Был и остается единственным авторитетом, достойным занимать место главы государства. Громадное чувство гражданской ответственности. Он просто подавил внут-

«А выживет только один». Не то что это авторская мрачная склонность, на-верное, отклик на трагичность самого нынешнего времени. Мне думается, не только пост totalitarный мир со своими пертурбациями, но и Запад, вся наша «белая» и «христианская» цивилизация переживает глубокий моральный спом, утрату путеводных ценностей. Подумать, сколько же злых сил играет в теперешнем мире; природу почти погубили; культура уступает мещанской суете; передовой Запад, вернее Север, все мы, осознаем это или нет, продолжаем преуспевать за счет цветного и босоногого Юга; кругами расходятся национальные раздоры, теперь даже и в Чехо-Словакии.

— Домой не собираетесь?

— Всегда был уверен, что вернусь, и как раз сейчас возвращаюсь. Правда, не было жилья, теперь присмотрел что-то около Пештана. Назад в Братиславу не хочу, она мне представляется символом уродливого национализма, какого-то дутой амбициозности, вырастающей из комплекса неполноценности. Мое возвращение вряд ли обрадует политиков, которые теперь стоят у руля. Впрочем, не привыкать.

— Вы против отделения Словакии?

— Проблема с глубокими историческими корнями. В 1918 году, когда возникла Чехословакия, это было последним для нашего народа шансом на самосохранение. Словаки провели тысячу лет — тысячу! — единожды не вкусив настоящей самостоятельности. Не было своих политических представителей, своего экономического веса, ничего. Только писатели говорили от имени народа, они одни дышали на искру национального сознания. Чехи сформировались как народ раньше. При каждом добром шаге у нас непременно стоял патроном кто-нибудь из их специалистов. В словацком народном театре начинали играть чешские актеры, ставить — чешские режиссеры, нашу филармонию заложил чех, институт прикладного искусства — тоже. Поехал небывалый подъем образования, словацкого интеллигентства, словацкого профессионализма. Появилось достаточно своих людей на все роли. Но из исходного перепада культур проросло в чешской среде чувство превосходства, а в словацкой — ущемленного самолюбия.

Как всякий народ, словаки, безусловно, имеют право на суверенитет, жить вместе или порознь — дело народной воли. Но глядя чисто прагматически, я сужу так, что для эманципации выбран самый неподходящий момент времени. Из нынешнего кваса, нынешних переходных тяжостей и завихрений надежнее было бы выбираться вместе. Чешские политики это понимают, предлагали со своей стороны немало важных уступок. Не знаю, чем кончится дело, победит ли разум или нетерпеливая дрожь эмоций, но уверен, что отделение стало бы для Словакии катастрофой.

Вулканические выбросы национализма стали разрушительны, как геологические катаклизмы. Я спрашиваю: что это за знак качества — быть словаком или чехом, русским или молдаванином, сер-